

Отзыв

официального оппонента Беляковой Елены Владимировны

на диссертацию Никиты Владимировича Евстафьева

«Межконфессиональные отношения христиан и мусульман в Болгарских землях Османской империи (по материалам славянской агиографии XVI в.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. - Всеобщая история (исторические науки).

Тема межрелигиозных отношений, взаимодействия, статуса религий и религиозных организаций в разных правовых традициях в настоящее время актуализировалась. Это связано с увеличением религиозного фактора в международной жизни, а также с появлением новых радикальных течений в исламе. История взаимодействия христианства и ислама на Балканах в современной отечественной историографии представлено ограниченным количеством работ и поэтому обращение к этой теме является необходимым шагом в развитии современной исторической науки. Интерес современной европейской и американской историографии к Османской империи вызван во многом уникальностью этого государственного образования, заимствовавшего целый ряд византийских институтов и почти столетие проявлявшего ограниченную веротерпимость к другим религиям, не свойственную Европе нового времени. Реформация и эпоха конфессионализации в европейских странах оказала влияние на православные церкви, находившиеся под османским владычеством. Проблема значения эпохи конфессионализации для православных церквей активно изучается в последние годы и новейшие работы на эту тему указаны и использованы в работе Н.В. Евстафьева. Именно в XVI в. новомученики появляются во всех христианских конфессиях (см. с. 55 сноски 222), тема новомучеников актуализируется в XVI-XVII вв. и для Московской Руси.

Для болгарской историографии османский период один из самых сложных концептуально, так как сложились историографические штампы, препятствующие объективному рассмотрению этого периода. Трудности в изучении этого периода связаны и с тем, что славянские источники по османскому периоду ограничены. Вопрос о том, как шел процесс исламизации, как воспринималось «отуречивание» на Балканах, сложный и противоречивый. Поэтому изучение славянских агиографических памятников XVI в. имеет особо важное значение для истории балканских стран.

В представленной диссертационной работе применяются методы антропологического подхода и микроистории и при этом дан широкий обзор исторических событий XVI в. В исследовании Н.В.Евстафьева славянские мученики XVI в. рассмотрены комплексно, единым блоком, в сопоставлении, несмотря на их разное происхождение и способы функционирования. Такой подход в историографии осуществлен впервые, имеет новаторский характер и вносит значительный вклад в изучение проблемы.

Агиография – очень сложный для исторического исследования жанр, потому что тексты создаются по определенным законам и ориентированы во многом, как показано и в данном исследовании, на евангельский образец и на ранние жития. Поэтому данные, содержащиеся в агиографических памятниках, необходимо сопоставлять с другими источниками. Применяемый автором метод сопоставления данных славянских житий с известиями других источников XVI века, представляется совершенно необходимым. Из привлеченных агиографических источников только житие Георгия Нового Софийского (Кратовца) в русской редакции стало предметом специального исследования и темой докторской диссертации В.В. Калиганова. Жития Антония Супрасльского и Иоанна Нового Серрского, выявленные А.А.Туриловым, оставались почти не исследованными.

Структура диссертации соответствует поставленным в ней проблемам.

Во введении обоснована актуальность темы исследования и сформулирована основная проблема: отражение межконфессиональных отношений в славянской агиографии (с. 7), а также четко определены объект, предмет и задачи исследования и методы, среди которых новаторским является метод имагологии, который только начинает разрабатываться в отечественной историографии (с. 12).

Здесь же дан обзор источников, на первом месте стоят жития мучеников (в том числе по рукописным источникам), службы и похвальные слова, а также созданные иконы. Автор использует и славянские канонические памятники, которые содержат как антимусульманские статьи, так и предписания поведения по отношению к другим конфессиям. Другим источником являются записи на книгах и надписи. Кроме того, диссертант привлек и широкий круг опубликованных записок путешественников в Османскую империю XVI в. и представил их исчерпывающий свод. Интерес представляет и обращение автора к актам османских кадийских судов, которые только в недавнее время стали использоваться в отечественной историографии (работы А.А.Леонтьевой).

Автор рассмотрел значительную историографию, посвященную не только славянским мученикам как историческому и литературному источнику, но и освещению в историографии создания системы управления в Османском государстве, место христианских церквей в этой системе и распространение ислама на болгарских землях. Соискателем изучена не только болгарская и русская историография, но привлечены и многочисленные новейшие работы на английском, немецком, французском языке, в которых рассматриваются институты Османского государства XVI в. и отношение к немусульманским народам со стороны османских властей.

В первой главе автор рассматривает состояние болгарских земель в составе Османской империи в XVI в. Попытки христианских правителей отвоевать земли у мусульман приводили только к разорению балканских земель. Диссертант показывает, что болгарские земли разоряли не только

военные действия, но и волны тюркских переселенцев из Малой Азии и этот процесс был завершён лишь к концу XVI в. Болгарские крестьяне также перемещались на менее освоенные земли, включая окрестности Константинополя.

Автор исследует османскую систему управления, в которой были разделены военно-административная и судебно- административная системы. Шариатские судьи (кадии) обладали значительной властью не только над мусульманами. Христиане подлежали церковному суду, но могли обращаться в кадийский суд в тех случаях, когда решение церковного суда было бы заведомо отрицательным (развод, заключение четвертого брака, заключение брака с иудеями и мусульманами). Автор считает, что заключение брака между христианами после венчания в кадийском суде было обычной практикой в XVI в. (с. 93), правда, он не поясняет причины этого явления. Кадии решали и вопросы о перенесении мощей и строительстве церквей.

В работе рассмотрено достаточно сложное и противоречивое положение православных в Османской империи и ограничения, наложенные на православные церкви. Подробно разобраны дополнительные налоги, которыми облагались немусульманские подданные и в том числе «девширме» («налог кровью»). Именно «девширме» считалось самым «ярким проявлением иноконфессионального гнета в Болгарских землях»(с. 96). Христиане могли быть воинами («войнуками») на пограничных землях или в составе войска тимариотов-христиан. По-видимому, таким воином был мученик Георгий Старший Софийский.

Диссертант изучил отношение исламского права к вероотступничеству и богохульству и показал, что единственным способом избежать смертной казни за вероотступничество было возвращение в ислам. От смертной казни за богохульство могло спасти признание в помешательстве.

Отдельный раздел посвящён положению религиозных меньшинств в болгарских землях и отношению к ним православных. Диссертант отмечает, что несмотря на усилия отдельных иерархов привлечь католиков к

антиосманскому союзу, сохранялся негативный образ «латинян» (с. 116). Негативный образ иудея сохранялся и воспроизводился в болгарской литературе. Автор приводит в качестве примера житие св. Иоанна Нового Сочавского. Это очень важные наблюдения, показывающие глубокий след в славянской культуре антилатинской и антииудейской полемики, созданной в византийскую эпоху.

Небольшой раздел посвящен положению православных кафедр в Османской империи. Эта тема остается малоисследованной в современной российской историографии. Софийская кафедра относилась в XVI в. к Охридской архиепископии в XV-XVI в. Но появление сербской кафедры Печской патриархии в 1557 г. значительно изменило ситуацию на Балканах, о чем свидетельствует распространение жития и иконографических изображений св. Георгия Нового Софийского (Кратовца).

Глава 2 является наиболее важной для данной темы. В ней показано место мучеников в болгарской культуре XVI в. и установлена связь с традицией ранних православных мучеников. Уже Григорий Цамблак обращался к традиции мученичества в своих проповедях и, по мнению большинства исследователей, ему принадлежит житие св. Иоанна Нового Сочавского. Житие Иоанна Серрского было известно только в греческой редакции, славянский текст не опубликован. Диссертант проделал сравнение греческого и славянского жития и попытался дать ответ, почему житие сохранилось в единственном греческом и единственном славянском списке. В единственной рукописи сохранилось и проложное житие Антония Супрасльского (ок. 1508 г.), в котором упомянут Иоанн Новый. Автор убедительно показывает, что сербские монахи могли быть составителями жития и ставит вопрос о причинах, почему житие не получило распространения, сравнивая святого с греческими «автоклитами». Большее распространение получило житие Георгия Нового Софийского (Кратовца) (1515 г.). В исследовании отмечена роль священника Пейо, наставника («импресарио») святого и одновременно составителя его жития. На

основании исследования образа Пейо исследователь делает важный вывод о роли церковной иерархии в создании культов святых мучеников (с.171). Исследователь отмечает и связь культа с кратовскими правителями из рода Пепичей и Афоном, а также роль воссозданной в 1557 г. Печской патриархии в распространении культа мученика (С. 174). Подробно описаны иконографические изображения мученика и пути их распространения. В деле распространения культа Георгия Нового особую роль сыграло его сербское происхождение, что дало повод связать его почитание с культом князя Лазаря. В исследовании даются объяснения расхождения русского и славянского жития и высказывается предположение, что в русском житии слиты образы двух Георгиев (с Георгием Новейшим Софийским 1515-1530 г.).

Большое значение имеет разбор пространного жития мученика Николая Нового Софийского, выполненного Матеем Грамматиком в жанре повести, и сопоставление этого жития со службой и Похвальным словом. В работе отмечены стилистические особенности новых мартириев, приближающих их к повести. Надо отметить, что это явление характерно вообще для житий XVI в., в том числе и русских. Новым для жанра житий является образ наставника – автора жития. Исследователь отмечает, что это способствует остросюжетности и актуализации.

В третьей главе автор рассматривает информацию об османских властях (султанах, кадиях, тюремных стражах) и о «налоге кровью» (девширме), содержащуюся в житиях и приходит к обоснованному выводу, что для составителей мартириев османский правитель – законный царь, арбитр (С. 213). Важен и образ кадия – судьи, который воплощает законность, оберегает мученика от гнева мусульман, хотя и пытается склонить его к принятию ислама (с. 225). По мнению автора, описанный в житиях суд действительно соответствует нормам ханафитского мазхаба (с. 230). Исследователь отмечает, что, в отличие от славянских житий, в русской версии Жития Георгия судья назван «мучителем».

В четвертой главе автор рассматривает межрелигиозные отношения мусульман и христиан, как они изображаются в мантириях. Мусульмане выступают как фанатично настроенная толпа, стремящаяся уничтожить мученика (с. 245), а молитва мусульман воспринимается как противная Богу. Что же касается взаимоотношения мучеников с отдельными членами мусульманской общины, то оно представлено в мантириях «в резко отрицательном ключе», действия мусульман направлены на обман и обращение в ислам (с. 253). Такое изображение связано с целями, с которыми создавались мантирии.

Автор анализирует также явление «криптохристианство», и считает, что Николай Софийский являлся «косвенным примером болгарского криптохристианства» (с. 260). Термин «криптохристиане» широко применяется в болгарской, немецкой и англоязычной литературе, хотя, на наш взгляд, более адекватно применение термина «исламизированные христиане». Мантирии свидетельствуют о взаимодействии в ремесленной среде между христианами и мусульманами, хотя законодательство это ограничивало. В заключении диссертант формулирует выводы из 14 пунктов, которые точно суммируют высказанные в диссертации положения.

Диссертацию сопровождают Приложения: изображения на фресках и иконах славянских новомучеников, каждое из которых проанализировано в тексте исследования.

Высоко оценивая представленную работу, считаем необходимым сделать следующие замечания по тексту диссертации:

1) Автор рассматривает жития новомучеников как «отражение» межконфессиональных отношений в Османской империи (с. 196 и др.). На наш взгляд, жития не только «отражали», но и конструировали эти отношения. Это особенно характерно для жития Георгия Нового Софийского. Прделанное автором сопоставление славянского и русского текста жития хорошо показывает, что в Московской Руси это житие

выполняло иные, чем на Балканах функции и формировало существенно другой образ мусульман.

2) На наш взгляд, автор не достаточно внимания уделил объяснению причин сохранности житий Иоанна Нового Серрского, Антония Супрасльского, Николая Нового Софийского в одном экземпляре. (Житие Георгия Новейшего Софийского вообще не сохранилось, имеются только упоминания). Т.е. эти жития только хранились, а не распространялись. Это явление можно объяснять по-разному: а) начальной стадией почитания святого, когда его житие и чудеса имеют исключительно местное значение и фиксируются только в том месте, где находятся его мощи; б) относительным упадком славянской книжной культуры; в) опасением или нежеланием распространения антимусульманских текстов православным духовенством. Т.е. создаваемые жития были адресованы не столько современникам, сколько хранились как документ, оставленный или для более лучших времен (под этим можно понимать и претензию на изменение статуса церковной кафедры) или для вечности (т.к. эсхатологические настроения были широко распространены в XVI в.). Хотелось бы, что диссертант более четко сформулировал свое понимание этой особенности исследуемых славянских мартириев.

3) Автор недостаточно внимания уделил вопросу борьбы за мощи святого, хотя тема уничтожения/сохранения мощей прописана в житиях и вписывается в контекст христианско-мусульманских отношений. Нетленные мощи выступали как аргумент святости веры в полемике (с. 200). Наличие мощей было важно и для церковного статуса города, в котором они находились.

4). На с.121 автор пишет о различии между православными и протестантами по языковому вопросу и приводит высказывание Стефана Герлаха о том, что иерарх Константинопольской церкви заявил, что у православных «нет ни библейских, ни других религиозных книг и проповедей на разговорном языке». Необходимо прокомментировать

неточность высказывания Герлаха, потому что в 1561 г. проповеди на народном греческом языке Дамаскина Студита были напечатаны в Венеции.

5) Положительный образ кадия не сводится, по нашему мнению, только к повторению образа Понтия Пилата, как это утверждается на с. 267. Обращение в шариатские суды было распространено среди христиан, хотя они могли обращаться в церковный суд. Этот факт отмечен и в диссертации (с. 92).

6) Хотя автор и указывает памятники канонического права как источники по межконфессиональным отношениям, но в работе они могли быть представлены более полно. Необходимо уточнить, что Мазуринская Кормчая издана не только по русским (с. 27), а по среднеболгарскому списку и только разночтения и дополнительные статьи по русским. Можно было бы также привлечь для анализа межконфессиональных отношений распространенные в славянских землях с XIV в. Алфавитную Синтагму Матфея Властаря и Псевдозонар, а с XVI в. епитимийный Номоканон, который за вероотступничество при угрозе мучений сокращал епитимию до 8 лет.

7) Необходимо отметить, что в славянских цитатах не всегда раскрыты сокращения (с. 164, 182, 183).

Высказанные замечания имеют характер дискуссионный и рекомендательный, должны способствовать углублению исследования в перспективе, но никак не являются препятствием к высокой оценке представленной работы.

Автореферат диссертации написан четко, логично и его положения в точности соответствуют основным положениям диссертации. По теме диссертации автором опубликовано 10 добротных научных статей, из них 5 в изданиях, входящих в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования. Результаты исследования были представлены и обсуждены на 11 научных конференциях и форумах.

Исследование может быть использовано в учебных курсах по истории Балкан и Османской империи, в создании лекционных курсов и обобщающих работ по истории православия в XVI в., в истории славянской агиографии, а также в обобщающих работах по истории межрелигиозных отношений.

Диссертационная работа Н.В. Евстафьева «Межконфессиональные отношения христиан и мусульман в Болгарских землях Османской империи (по материалам славянской агиографии XVI в.)» является законченным самостоятельным научным исследованием, имеющим высокое научное и практическое значение, она полностью соответствует критериям и требованиям п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09. 2013 № 842 (с последующими изменениями), а ее автор Евстафьев Никита Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (исторические науки).

Официальный оппонент Белякова Елена Владимировна,
кандидат исторических наук по специальности 5.6.5.-историография,
источниковедение и методы исторического исследования, ведущий научный
сотрудник Центра истории религии Церкви Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской
Академии наук

Адрес организации: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

телефон: (499)1269449.

E-mail: iriran@mail.ru

27.05.2025

Е. В. Белякова

Подпись: _____

Начальник отдела кадров Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской Академии наук

20 28